

«Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова¹

Вадим Миронович Лурье

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск;

Социологический институт Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
Санкт-Петербург, Россия, hieromonk@gmail.com

Аннотация. Происхождение понятия «соборность» в русских переводах богословских сочинений Хомякова представляло загадку в двух отношениях: было неизвестно, кто автор понятия, и был не вполне определен тот смысл, который заложил в это понятие его неизвестный автор. В статье доказывается, что автором термина и понятия был Ю. Ф. Самарин в 1863 году (или чуть ранее), а первоначальный смысл понятия «соборность» был определен посредством аналогии с понятием «общинность», также веденном славянофилами. Таким образом, «соборность» обозначала некий принцип церковного единства, имеющий «внутреннее сродство» (выражение Самарина) с принципом единства сельской общины.

Ключевые слова: А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, славянофилы, соборность, сельская община, экклесиология.

Abstract. The origin of the notion *sobornost'* ("conciliarity") which first became known from the Russian translations of the theological works by A. S. Khomyakov written in French, was enigmatic in two respects: it was unknown who was the author of the term and the notion and what was its original meaning either. It is demonstrated, in the present article, that the author was Yuri F. Samarin in 1863 (or slightly earlier), and that the original meaning of the notion *sobornost'* has been defined by means of an analogy with the Slavophilic notion *obshchinnost'*, that is, the unifying principle of the peasant community. *Sobornost'* as the unifying principle of the Church has been considered as having "an internal kinship" (Samarin's wording) with the latter.

Keywords: Alexey S. Khomyakov, Yuri F. Samarin, Slavophiles, *sobornost'*, peasant community, ecclesiology.

От «исторического Хомякова» к «Псевдо-Хомякову проповеди»

Одно из первых любопытных известий о себе, которые Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) должен был получить на том свете, состояло в том, что он стал посмертно автором богословского понятия и даже самого термина «соборность». Обрадовало его это известие или нет — тема отдельного исследования, от которого мы сейчас уклонимся. Нас будет интересовать другое: кем же был автор этого понятия, появившегося только в русских переводах сочинений Хомякова, написанных на французском языке, и что этот автор имел в виду.

Хомяков писал свои богословские сочинения на трех или четырех языках — русском, французском и английском (и, вероятно, чуть-чуть на латыни), — из них главные были написаны на французском. Почти все они были переведены на русский еще в XIX веке. Переводы с английского

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

вполне точные, но там и содержание не особенно сложное. Переводы с французского в некоторых местах существенно отличаются от оригинала. Одно из таких существенных отличий проявляется в неожиданном термине «соборность», возникающем в первой и третьей брошюрах о западных вероисповеданиях. Ни в каких других приписанных Хомякову сочинениях этот термин не встречается, и само это слово было вне его лексикона.

Если некое произведение приписывается какому-то автору, известному по другим произведениям, но ему не принадлежит, то в европейской научной традиции к имени автора такого произведения прибавляют приставку «Псевдо-». В этом смысле можно сказать, что русские переводы французских сочинений Хомякова, опубликованные во всех изданиях его восьмитомного собрания сочинений, суть произведения Псевдо-Хомякова. Они представляют собой не столько перевод в нашем обычном сегодня смысле слова, сколько переработку оригинального текста, таргум. Таргум — это «перевод» во всем диапазоне значений этого слова в культурах античных и средневековых: от буквального перевода до очень сильной переработки и расширения текста. Приписывая Хомякову русскоязычные таргумы его франкоязычных богословских произведений, мы рискуем потерять из вида оригинальные богословские идеи автора, принимая за них то, что читаем в этих текстах, надписанных его именем. Так обычно и случалось с теми историками богословия, которые изучали Хомякова по русским переводам².

Расстояние между «историческим Хомяковым» и «Псевдо-Хомяковым проповеди» — той проповеди, первыми апостолами которой стали Ю. Ф. Самарин и А. И. Кошелев³, — вполне сопоставимо с расстоянием между «Historical Jesus» и «Christ of kerygma» в протестантской библейской критике, но пока его трудно оценить, поскольку «исторический Хомяков» до сих пор привлекал к себе непропорционально мало внимания⁴. Сейчас мы тоже не будем говорить об «историческом Хомякове», а сосредоточимся лишь на происхождении термина, ставшего «брендом» Псевдо-Хомякова проповеди Самарина и Кошелева, — «соборности».

«Псевдо-Хомяков» — это псевдоним авторского коллектива, в котором Юрий Федорович Самарин играл главенствующую роль, но в нем участвовали и другие лица, особенно Н. П. Гиляров-

² См. подробнее, с библиографией, в [1].

³ Главными документами «агиографического досье» Хомякова являются два документа: Предисловие к его богословским сочинениям, написанное его младшим другом и учеником Ю. Ф. Самариным (1819–1876) и публиковавшееся во всех изданиях тома 2 восьмитомного собрания сочинений Хомякова, начиная с 1867 года, а также «Воспоминания об А. С. Хомякове» его друга и ровесника А. И. Кошелева (1806–1883), впервые опубликованные в 1879 году, но потом неизменно воспроизводившиеся в составе тома 8 (письма) восьмитомного собрания. Оба автора зафиксировали письменно то представление о Хомякове, которое сложилось среди части его друзей уже к середине 1840-х годов. Согласно этому представлению, которое является в полном смысле слова агиографической легендой, Хомяков не просто читал, но и прекрасно знал святоотеческую литературу и был с детских лет утверджен в православной вере, которую всегда понимал и не испытывал в ней ни малейших колебаний (о действительном положении дел см.: [1], [2] и готовящийся комментарий к богословским сочинениям Хомякова в его академическом полном собрании сочинений). Разумеется, сами Самарин и Кошелев, а также еще некоторые лица, причастные к изданиям Хомякова в дореволюционной России, в эту легенду верили.

⁴ Изучение «исторического Хомякова» в самом своем начале натывается на труднопреодолимое препятствие — необходимость установить те литературные и идейные источники, которые реально им использовались. Вопреки А. И. Кошелеву, это не святоотеческая литература, а западная научно-популярная (редко научная в узком смысле слова) литература и публицистика, которая выходила впервые или переиздавалась в то время, когда Хомяков заинтересовался богословием, то есть со второй половины 1840-х годов. В русской дореволюционной историографии для установления фактических источников Хомякова сделали очень немного лишь некоторые из издателей (П. И. Бартенев и Д. А. Хомяков, старший сын Алексея Степановича), но в целом русская дореволюционная и эмигрантская историография, не исключая даже критичного к Хомякову Г. В. Флоровского, способствовали закреплению и развитию легенды о богословской эрудиции Хомякова. О том, что с этой эрудицией не всё ладно, впервые заговорили в 1930-е годы западные исследователи, из числа которых, впрочем, весьма немногие углублялись в проблемы источниковедения. В комментариях к изданию богословских сочинений А. С. Хомякова на русском языке в 1994 г. мы собрали и дополнили все доступные тогда данные об источниках Хомякова [2]. В готовящемся сейчас комментарии к богословским сочинениям Хомякова в составе его академического полного собрания сочинений это предполагается сделать гораздо полнее и систематичнее.

Платонов (тоже в какой-то период жизни – друг Хомякова и его собеседник по богословским вопросам, но, в отличие от Самарина, не благоговевший пред ним и сильно расходившийся с ним во взглядах)⁵. Кто из них придумал «соборность» — это один из вопросов, на которые мы постараемся ответить.

«Соборность» до Псевдо-Хомякова

«Соборность» является именем существительным, и в этом ее главная богословская особенность. Зачем понадобилось это существительное, когда уже было прилагательное — «соборный»? Термину «соборный» Хомяков посвятил отдельную статью на французском языке⁶, но как раз в ней — даже в ее русском переводе — не встречается никакая «соборность».

Из существования прилагательного не следует автоматически существование абстрактного существительного. Несмотря на то, что, например, прилагательному «веселый» соответствует абстрактное существительное «веселость», и любой человек понимает, что это за присущее некоторым людям качество, и чем оно отличается от временного веселого настроения, — с образованием абстрактных существительных не все просто. Например, прилагательному «красный» соответствует качество «быть красным», но абстрактное существительное «*красность» (которое могло бы означать то, что делает красный цвет красным) отсутствует в обыденном языке, а постановка вопроса о реальности этого абстрактного понятия вызовет очередной философский спор об универсалиях. Так же и прилагательному «соборный» соответствует свойство Церкви «быть соборной», но из этого не следует автоматически, что есть какая-нибудь реальность за абстрактным существительным «соборность». Во всяком случае, Хомяков еще о ней не знал. «Соборности» нет и в византийском церковном Предании, как и в византийском греческом языке не было абстрактного существительного *καθολικότητα*, появившегося в новогреческом языке сначала как калька французского *universalité* или *catholicité*, а распространившегося в качестве богословского термина уже в XX веке под влиянием Псевдо-Хомякова.

Существительное «соборность» не встречается в известных нам текстах А. С. Хомякова ни разу, но в русском языке оно изредка употреблялось. Обычно оно встречалось как калька с французского *universalité*, чему ближе бы соответствовало русские «вселенскость» (в церковном контексте) или «всеобщность» (в светском контексте). Так, в словаре Ивана Ивановича Татищева (1743–1802), впервые вышедшем в 1786 (только вторая часть, без указания составителя) и 1798 (полностью и под именем автора) и в основе своей представлявшем собой перевод словаря, выпущенного французской Академией наук, для перевода *universalité* предлагался следующий ряд синонимов: «общество, соборность, всеобщность, всеродность, всемирность, что разные виды в себя содержит, всесвѣтность» [3, с. 345]⁷. Судя по всему, к началу XIX века существительное «соборность» получило себе ограниченные, но уже довольно твердые права гражданства в русском языке: только для переводов. О неупотребительности еще в начале XIX века существительного «соборность» в оригинальных русских текстах свидетельствует лейпцигский лексикограф Иоганн Шмидт (Johann Adolf Erdmann Schmidt, 1769–1851), который не включил это слово в русско-французскую часть своего словаря, но включил во французско-русскую — разумеется, в качестве перевода *universalité*⁸.

Национальный корпус русского языка до 1880-х годов вообще не знает ни одного случая «соборности» [6]. Если полагать, что в корпусе удалось создать репрезентативное собрание русских

⁵ Об истории создания русского перевода франкоязычных сочинений Хомякова мы до недавнего времени располагали только отрывочными и не всегда достоверными сведениями. В общих чертах история этих переводов реконструирована теперь с использованием неопубликованных архивных данных А. П. Дмитриевым [4]. Некоторые дальнейшие уточнения картины, воссозданной А. П. Дмитриевым, будут предложены в комментариях к академическому полному собранию сочинений Хомякова.

⁶ См. [2, с. 238–243]: *Письмо к редактору «L'Union chrétienne» о значении слов «кафоллический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита.*

⁷ На этот источник, а также на произведение А. С. Стурдзы (см. ниже) обратил мое внимание Ян Рачинский, председатель общества «Мемориал», которому я за это выражаю большую признательность.

⁸ В русско-французской части есть слова «собор», «соборный», «соборно» и «соборнѣ», но нет «соборности» [5, р. 374], которая появляется только во французско-русской части в качестве перевода *universalité* наряду с «повсемѣстность» [5, р. 719].

текстов, то это означает, что, по сути дела, до 1880-х годов существительное «соборность» не успело стать полноценным словом русского литературного языка. Надо ли напоминать, что 1880-е годы — это время начала стремительного распространения в России богословских сочинений Хомякова, вышедших во втором издании его собрания сочинений как раз в 1880 году?..

Ближе к середине XIX века «соборность» потихоньку впитывается в оригинальные богословские тексты на русском языке. Но это происходит только у авторов, по каким-либо причинам ориентированных на иностранное словоупотребление.

Так, у Платона (Фивейского, 1809–1877), автора популярного в середине XIX века учебника «Православное нравственное богословие» (1854; 4-е и последнее изд. 1867), «соборность» появляется в качестве названия одного подпараграфа (§ 374, в), но без всякого упоминания в тексте. Подпараграф называется «Обязанности, проистекающие из соборности Церкви», и речь в нем идет о том, чтобы пошире распространять православие — как географически, так и проявляя его в разных областях человеческой деятельности. В тексте книги автор обходится традиционными синонимами-прилагательными: «соборная», «кафолическая», «вселенская» [7, с. 375]. Зависимость от западных и особенно католических образцов тут диктуется самим жанром книги: «нравственное богословие» как особая дисциплина было католическим изобретением, и от католиков было заимствована номинально православными духовными школами. Автор любого учебного пособия по этому предмету следовал западным образцам.

Гораздо более содержательный вклад в усвоение «соборности» русским богословским языком сделал Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854) — один из самых выдающихся православных богословов первой половины XIX века⁹. Масштабы его деятельности как богослова были столь велики, что в России за ней мало кто был способен следить внимательно — по крайней мере, мало кто из среды русского духовенства, до которого обычно доходили лишь его сочинения на русском языке, сравнительно менее важные. В Греции его знали гораздо лучше. Его основные богословские труды были написаны на французском, переводились на греческий (но не на русский). Славянофилы и Стурдза все время оказывались очень близко друг от друга. Еще ближе друг к другу они стояли в глазах западных богословов, интересующихся православием. Но Хомяков не только не успел оценить Стурдзу как богослова — пусть и такого, с которым он бы во многом не согласился, — но даже не успел его с этой стороны узнать¹⁰. Как бы то ни было, для Стурдзы русский язык богословия был «вторым» после французского, который был ему в этой сфере «родным» (вероятно, греческий язык был ему гораздо роднее, но в качестве языка богословской апологетики и полемики греческий был столь же бесполезен, сколь русский).

В одном из своих написанных по-русски «Писем о должностях священного сана» (1841) Стурдза входит в область антикатолической полемики. Здесь у него появляется — и наполняется своеобразным содержанием — термин «соборность», который, в данном случае, оказывается калькой «католичества»: «...католичество, иначе *соборность*, в смысле широкого распространения Церкви по лицу земному» [9, с. 112]. В контексте речь идет о попытках обращения в католичество некоей светской дамы приезжими католиками. Можно не сомневаться, что в соответствующей среде общение происходило на французском языке, и оба слова-синонима, «католичество» и «соборность», передают у Стурдзы французское *catholicité* (т.е. *catholicité de l'Église*), имеющее, впрочем, смысл, вполне тождественный с *universalité*. Стурдза чаще всего пишет «соборность» курсивом, чем подчеркивает восприятие этого слова как «чужого», то есть не принадлежащего полноценно русскому языку.

Стурдза соглашается, что довод о «католичестве», или «соборности» как «несомненном признаке истины самого учения» «заманчив», но обращает внимание на то, что «католичество, или *соборность*, измеряется не только *пространством*, но и *временем*». Поскольку Церковь Римская не имеет «совершенного согласия со Вселенским учением предшествовавших Христианских веков», она

⁹ О нем как о многогранной личности см. особо [8], но специального исследования по его богословию до сих пор не существует.

¹⁰ О многочисленных косвенных связях и отдаленных сближениях между Стурдзой и окружением Хомякова см. примечания к богословским сочинениям Хомякова, готовящиеся в академическом полном собрании сочинений.

утратила свое «католичество» во времени, а одно только «католичество», или «соборность» в пространстве недостаточно. И только Каѳолическая (это слово Стурдза пишет через ѳиту и с большой буквы) Православная Церковь «удержала за собою полную соборность *времени и пространства!*» [9, с. 112–113].

Как ни остроумен довод Стурдзы, придавшего прежней пространственной «соборности» новое измерение — время, — «соборность» у него остается внешним качеством, а не внутренним принципом устройства Церкви.

«Соборность» in statu nascendi

Теперь подошло время рассмотреть те три случая, когда в текстах Псевдо-Хомякова появляется «соборность». Это уже делалось раньше¹¹, но мы добавим некоторые наблюдения.

Мы будем рассматривать общераспространенный перевод французских брошюр, впервые изданный в Праге в 1867 году (с указанием в выходных данных 1868 года) как том 2 собрания сочинений Хомякова. «Соборность» появилась именно там. Этот перевод как единое целое принадлежит Ю. Ф. Самарину, чем, однако, не предопределяется авторство того или иного термина или выражения в этом переводе. Самарин советовался с разными лицами и, самое главное, имел перед собой более ранний рукописный перевод Н. П. Гилярова-Платонова.

Вкратце хронология появления перевода Самарина такова. К концу 1861 года Гиляров-Платонов передал Самарину свой перевод то ли всех вообще написанных на французском богословских произведений Хомякова, то ли, по крайней мере, всех трех брошюр. Этот перевод не дошел до нас в рукописи, но дошел частично в публикации: в 1863 и 1864 годах Гиляров опубликовал переводы двух первых брошюр в журнале «Православное обозрение». На этом публикация его перевода была прервана из-за вмешательства духовной цензуры, которая запретила журналу продолжать публикацию Хомякова. Поэтому мы лишены возможности заглянуть в Гиляровский перевод третьей брошюры, где у Псевдо-Хомякова в третий и последний раз появляется «соборность».

Перевод Гилярова настолько не удовлетворил Самарина, что он сделал новый перевод, причем, работа Самарина над ним началась не позднее начала 1862 года, а завершилась только в начале 1864 года. В этот период Самарину приходилось заниматься многими другими делами, и выкраивать время на переводческие труды было непросто. Созданный таким образом второй перевод до нас не дошел. Самарин считал его черновым и отправил Гилярову для доработки. Гиляров за это время успел остыть к делу перевода и продержал перевод у себя едва ли не более года — до весны 1865-го. Есть основания полагать, что никакой особо ценной правки он за это время не внес: по крайней мере, так можно думать по аналогии с предисловием к богословскому тому, которое тоже обещал написать Гиляров, а писать пришлось Самарину. Очень вероятно, что к делу редактирования перевода Гиляров подошел так же, как к делу написания предисловия. Наконец, Самарин решает посвятить себя целиком созданию третьей и окончательной редакции перевода французских сочинений. Для этого он летом 1865 года уединяется в имении своего брата Васильевское на Волге (ныне село Приволжье Самарской области) и выходит из затвора только поздней осенью 1866-го — с окончательной редакцией перевода в руках. Уже в следующем году он издаст этот перевод в Праге. Мы будем называть этот опубликованный перевод «переводом Самарина» по имени его главного автора и единственного редактора, но не полагая при этом, будто каждое выражение этого перевода принадлежит лично Самарину. По сути этот перевод принадлежал коллективному автору, которому мы уже усвоили имя Псевдо-Хомякова.

Ниже мы рассмотрим все три места в переводе Самарина, где появляется существительное «соборность», и сравним их как с французским оригиналом, так и — где это возможно — с переводом Гилярова¹².

¹¹ См. комментарии к рассматриваемым ниже местам в [2], а также [10, S. 81–82].

¹² Здесь и далее произведения Хомякова будут цитироваться по следующим изданиям с указанием только страниц: [11], [12], [13] — оригиналы, соответственно, первой, второй и третьей французских брошюр; [2] — перевод Самарина (в некоторых случаях текст Самарина сохранен только в комментариях к этому изданию, а в

Весь доступный для сравнения материал переводов представлен в Таблице 1. Фрагменты 1 и 2 принадлежат тексту первой брошюры, фрагмент 3 — третьей.

Таблица 1.

№ фрагмента	Текст Хомякова	Перевод Гилярова-Платонова	Перевод Самарина
1	Un concile n'est pas possible, à moins que l'Occident, revenant à l'idée même des conciles, ne commence par condamner son usurpation... (p. 45)	Собор невозможен, разве Запад, возвратясь к самой идее соборов, наперед решится осудить свою узурпацию... (с. 177)	Собор дотоле невозможен, пока Западный мир, вернувшись к самой идее собора, не осудит наперед своего посягательства на <i>соборность</i> ... (с. 56–57 и 366, курсив Самарина)
2	Le schisme occidental a, comme je l'ai dit, commencé par l'usurpation de l'opinion diocésaine, qui rompit l'unité de la foi universelle... (p. 51)	Западный раскол начался, как я сказал, злоупотреблением местного мнения, которое расторгло единство вселенской веры... (с. 184)	Я сказал выше, что западный раскол начался посягательством епархиального мнения на соборность единоверия... (с. 61 и 367)
3	...qui n'attaquaient pas le dogme de l'Universalité Ecclésiastique (pp. 21–22).	—	...не восставшие против догмата церковной соборности (с. 144)

В тех случаях, где мы можем сравнить, перевод Гилярова является точным, а перевод Самарина уходит от оригинального текста.

Во фрагменте 1 слово «соборность» вообще не имеет французского соответствия и просто прибавлено переводчиком; видимо, это и хотел показать Самарин, набирая его курсивом.

Во фрагменте 2 «соборность» появляется в составе необычного перевода вполне обычного выражения «единство вселенской веры» (как и перевел его Гиляров), *l'unité de la foi universelle*. Может быть, такой перевод был подсказан традиционным к тому времени переводом *universalité* как «соборность», но тут при переводе сделаны семантические сдвиги: *l'unité* «единство» перенесено к *la foi* «вера», что дало в переводе «единоверие», а прилагательное *universelle* «вселенская», относившееся к «вере», переделано в существительное «соборность».

Во фрагменте 3 мы, наконец, встречаем обычный для русского языка середины XIX века механизм продуцирования «соборности»: это калька французского *universalité*. Но и здесь не обходится без интересных подробностей.

Дело в том, что в этом месте третьей брошюры Хомяков цитирует сам себя, свою первую брошюру, но делает это в своей обычной манере: помещает внутри кавычек текст, далекий от дословного соответствия источнику, и еще хорошо, если вообще узнаваемый. Хомяков поступает так при цитировании других авторов, но не делает исключения и для себя самого. Поэтому переводчик был в данном случае лишен возможности просто процитировать фрагмент уже готового перевода первой брошюры. Тем не менее, пересказанный автором довольно близко к тексту его более ранний пассаж вполне узнаваем. В первой брошюре соответствующее место выглядело как «...ils ne niaient pas le droit

основном тексте перевод приближен к оригиналу); [14], [15] — переводы Гилярова-Платонова, соответственно, первой и второй французских брошюр.

divin de l'université ecclésiastique» (р. 44) и было переведено у Самарина как «...не отрицали Божественного права церковной вселенскости» (с. 55). В первой брошюре Хомяков очень часто использовал термин *l'universalité* в его общеупотребительном значении, как это было и в данном случае, и он повсюду переводился как «вселенскость» даже и у Самарина¹³.

Во второй брошюре Хомяков стал предпочитать другой синоним, *la catholicité*, иногда даже *le Catholicisme*, для которого еще Гиляров нашел эквивалент «каволичество», удержанный Самариным (впрочем, *le Catholicisme* Гиляров переводил «Католицизм» независимо от контекста)¹⁴. Это был абсолютный неологизм, который не прижился в языке русского богословия даже и после Хомякова¹⁵. Новое слово, однако, не означало ничего нового по содержанию: это был синоним уже знакомого по первой французской брошюре термина «вселенскость», что позаботился разъяснить сам же Хомяков. У Хомякова: *Le Catholicisme, ou plutôt l'universalité de la vérité connue...* (р. 22), у Самарина: «Кафоличество, или яснее, вселенскость познанной истины...» (с. 86). Этот пример интересен тем, что даже очевидная и для Хомякова, и для всех его читателей соотнесенность *catholicité* с καθολική (sc., ἐκκλησία) из Никео-Цареградского Символа веры, в славянском переводе которого для этого слова выбрано прилагательное «соборная», не спровоцировала переводчиков на употребление слова «соборность». Смысловая дистанция между «соборной» (Церковью) и «соборностью» ощущалась и помешала заменить одно на другое.

«Вселенскость» — это свойство Церкви, которое не является эмпирически наблюдаемым (средствами, доступными неверующему), но, по крайней мере, понятное логически: речь идет о том, что Церковь всюду одна и та же, тождественна самой себе, вопреки своей географической (и темпоральной — как напомнил Стурдза) протяженности. Но «соборность» как термин подразумевает, что это название какого-то принципа, *проявляющегося* в единстве Церкви, а не феномен единства как таковой. В своих богословских сочинениях Хомяков все время пытался разъяснить этот принцип, в котором он полагал главное отличие истинной Церкви от объединений католиков и протестантов.

В третьей брошюре появление «соборности» на месте *universalité* оказывается, таким образом, в противоречии с принципами перевода как первой, так и второй брошюр, где для *universalité* всегда сохранялся эквивалент «вселенскость». Видимо, «соборность» появляется здесь случайным образом — просто для напоминания о термине, введенном при переводе первой брошюры.

У «исторического Хомякова» собственные концепции единства Церкви неоднократно менялись по ходу его полемики с различными западными оппонентами¹⁶, и он никогда не давал ему отдельного названия¹⁷. «Хомяков проповеди» Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева восполнил недостающее.

Изобретатель «соборности»: Ю. Ф. Самарин

¹³ Вот перечень таких мест: трижды встречающееся выражение *l'universalité de l'Église* (pp. 25, 35, 62) — всегда «вселенскость Церкви» (сс. 40, 48, 70); *le dogme de l'universalité ecclésiastique* (р. 41) — «догмат о церковной вселенскости» (с. 53); *le dogme de l'universalité et de la sainteté de l'Église* (р. 43) — «догмата о вселенскости и святости Церкви» (с. 54).

¹⁴ Всего семь случаев во второй брошюре, причем, все они в пределах одного рассуждения, связанного с мечтами Александра Вине о будущей истинной «кафоличности» христиан (сс. 85–87; см. оригинальный текст: pp. 20–22; в переводе Гилярова: сс. 20–23; Гиляров всегда пишет «Каволичество» с заглавной буквы); та же лексика на английском — в письмах Пальмеру.

¹⁵ Так, Национальный корпус русского языка [6] не знает его совсем. Мне не удалось найти ни одного случая употребления этого термина вне цитирования русских переводов Хомякова.

¹⁶ Об этом см. [1] и готовящийся комментарий к академическому полному собранию сочинений Хомякова.

¹⁷ Во второй брошюре Хомяков зашел дальше всего в идентификации такого принципа, но им у него оказался Святой Дух. К этой фазе Хомяковского богословия в наибольшей степени относится исследование Патрика О'Лири [16]. Хомяков, не без указаний извне (вероятно, от друзей, способных критически воспринимать его богословие, — И. В. Киреевского и М. С. Мухановой; см. комментарий в готовящемся академическом собрании сочинений), понял, что слишком увлекся, т.к. в такой божественной Церкви было затруднительно разместить реальных людей. В итоге, поиски принципа церковного единства уперлись у Хомякова в христологию, что оказалось для него тупиком; см. подробно [1].

Появление термина «соборность» в переводе Самарина, а не Гилярова-Платонова уже с большой степенью вероятности указывает на Самарина как на его автора. Тем не менее, это еще не доказательство авторства Самарина, поскольку Самарин мог внести этот термин на стадии редактирования своего перевода по предложению кого-либо из тех, с кем он советовался. Но доказательство авторства именно Самарина у нас все-таки есть.

В 1863 году Самарин опубликовал свою программную статью «Современный объем польского вопроса». Он работал над ней одновременно с переводом Хомякова, и она была, очевидно, в числе причин, из-за которых работа над переводом шла тогда медленно. В этой статье Самарин выводит дальнейшие следствия из принадлежавшей еще Хомякову мысли о религиозном значении крестьянской общины. Для Хомякова и Самарина крестьянская община у православного народа обращается в единицу единства церковного, вполне в духе остроумного замечания Бердяева, сказанного о Хомякове, но еще более приложимого к Самарину: «У него выходило почти так, что без сельской общины христианство невозможно»¹⁸.

В статье 1863 года у Самарина впервые появляется термин «соборность», — которого в его более ранних сочинениях не было, — и появляется он именно в «хомяковском» контексте полемики с западными исповеданиями:

Историческая задача латинства состояла в том, чтоб отвлечь от живого организма церкви идею единства, понятого как власть, облечь ее в видимый символ, поставить, так сказать, над церковью полное олицетворение ее самой и через это превратить единение веры и любви в юридическое признание, а членов церкви — в подданных ее главы. Эта задача, перенесенная в мир славянский, в историческую среду общинности не в тесном только значении сокопления экономических интересов, но в самом широком смысле множества, свободно слагающегося в живое, органическое единство, должна была возмутить естественное развитие народной жизни до последней ее глубины. Действительно, латинство по свойству внутренних побуждений, из которых оно возникло, было враждебно в одинаковой степени: общинности, этой характеристической племенной особенности славянства, и началу соборного согласия, на котором построена и держится православная церковь. Понятно, что разрыв в пределах церковной общины приводил неминуемо к разложению общины гражданской и что, наоборот, среда, в которой предназначено было развиваться историческим силам славянства, так сказать, предопределилась внутренним сродством двух указанных выше начал — общинности и соборности. ([18, с. 445–446], все курсивы автора).

Самарин не углубляется в богословские тонкости, где, как он считает, всё уже разрешил Хомяков. Поэтому ему не нужно разбираться, где в «соборности» действует человек, а где Бог, и каким именно образом они действуют. Он просто формулирует то, что «исторический Хомяков» сказать не решался: будто «общинность» и «соборность» — это две данности, два начала, между которыми имеется «внутренне сродство». Одно конституирует светскую жизнь народа, когда она не нарушена, а другое — собственно христианскую жизнь.

Интуиция относительно «внутреннего сродства» церковного устройства с устройством светской крестьянской общины принадлежала, разумеется, «историческому Хомякову». Но «исторический Хомяков», будучи не в силах отказаться от этой своей богословской интуиции, все время своих занятий богословием (с 1840-х годов до смерти) пытался найти что-то похожее на нее в учении православной Церкви. Самарин не догадывался, сколь тяжелы были эти поиски, и каков был их финал. При очередных богословских неудачах Хомяков умел даже сам себя убедить, будто он просто не успел до конца сформулировать то, что он имел в виду, но в уже в следующем произведении он непременно всё исправит¹⁹. — Что уж тогда говорить о Самарине, который верил Хомякову безусловно.

¹⁸ В его книге «Алексей Степанович Хомяков» (1912) [17, с. 164].

¹⁹ Характерным примером таких рассуждений Хомякова (как раз по поводу второй брошюры, наиболее «эклисиологической» из трех) является его письмо М. С. Мухановой, датированное нами (в комментарии к академическому собранию сочинений) периодом от конца июля до конца августа (по старому стилю) 1855 г.: [19, сс. 420–421].

Если «исторический Хомяков» был внутренне уверен в наличии «сродства» между принципами единства крестьянской общины и единства Церкви, то он всё-таки никогда не решался заявить об этом на языке богословия. Он понимал, что для такого заявления ему нужна будет богословская экспликация того, что делает Церковь Церковью, причем, эта экспликация должна будет совпасть с его объяснением того, что может объединять людей в общины светские. Пусть он и жил с чувством того, что это вот-вот ему удастся, как могли бы какие-нибудь алхимики прожить жизнь с чувством, что они вот-вот и откроют философский камень, — но все же ему хватило трезвости не выдавать желаемое за действительное. Зато это сделал Самарин — взявший на себя, как он думал, всего лишь роль толкователя Хомякова на русском языке.

Термин «соборность» конструируется Самариним по образцу термина «общинность». Сходство обоих терминов должно было подчеркивать их «внутреннее сродство».²⁰

Библиография / References

1. Лурье В. М. Догматические представления А. С. Хомякова // Славянофильство и современность. Сб. статей / Отв. редакторы Б. Ф. Егоров, В. А. Котельников, Ю. В. Стенник. СПб.: Наука, 1994. С. 158–176.
2. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах / Составление В. А. Кошелева. Подготовка текста В. А. Кошелева, В. М. Лурье, Н. В. Серебренникова, А. В. Чернова. (Из истории отечественной философской мысли. Приложение к журналу «Вопросы философии»). Т. 2. М.: Московский философский фонд; издательство «Медиум»; журнал «Вопросы философии», 1994.
3. Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и Ю. Ф. Самарин в работе над изданием богословского наследия А. С. Хомякова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Том 19. Вып. 3. С. 121–129 [N. P. Gilyarov-Platonov and Yu. F. Samarin Working on the Edition of the Theological Heritage by A. S. Khomyakov].
4. Татищев И. Полный Французско-Российский словарь, составленный по новейшему изданию Французского Лексикона Вальи и некоторых других. Издание второе, вновь дополненное и исправленное. Том второй. От L до Z. / Издали С. Селивановский и А. Ширяев. М.: В Типографии Семена Селивановского, 1828 [The Complete French-Russian Dictionary composed according to the newest edition of the French Lexicon by <Noël-François> Wailly and some others].
5. Schmidt J. A. E. Nouveau dictionnaire portatif russe-français et français-russe. Leipzig: Ch. Tauchnitz, [1830].
6. Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru [National Corpus of the Russian Language] (обращение 21.11.2019).
7. Платон [Фивейский]. Православное нравственное богословие. Изд. второе, испр. и доп. М.: В типографии Александра Семена, 1855 [The Orthodox Moral Theology].
8. Ghervas S. Réinventer la tradition, Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance. Paris: Honoré Champion, 2008.
9. Стурдза А. Письма о должностях священного сана. Изд. четвертое. Одесса: В городской типографии, 1844 [Letters on the Duties of the Holy Rank].
10. Söllner K. Karriere eines theologischen Begriffs: *sobornost'* bei Aleksej Chomjakov und in den Heilsbotschaften des russischen Cyberspace // Individualität in Russland und Deutschland / K. Berner, A. Hattenbach, hrsg. (Villigst Profile, 2). Berlin: LIT Verlag, 2003, S. 77–88.
11. Ignotus. Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie. Paris: Imprimerie de Ch. Meyrueis et Compagnie, éditeurs, 1853.
12. Ignotus. Quelques mots sur les communions occidentales à l'occasion d'un mandement de Mgr. l'archevêque de Paris. Par un chrétien orthodoxe. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1855.

²⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 17304300170а). Автор благодарит также всех, кто помогал ему в работе, — особенно Яна Рачинского, А. П. Дмитриева и О. В. Митренину.

13. *Ignotus*. Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1858.
14. *Хомяков А. С.* Несколько слов православного христианина о западных христианских вероисповеданиях // Православное обозрение. 1863. Т. 12. С. 75–100, 163–197 [Several Words of an Orthodox Christian on the Western Christian Confessions].
15. *Хомяков А. С.* Несколько слов православного христианина о западных христианских вероисповеданиях // Православное обозрение. 1864. Т. 13. С. 7–38, 105–144 [Several Words of an Orthodox Christian on the Western Christian Confessions].
16. *O'Leary P. P.* The Triune Church: A Study in the Ecclesiology of A. S. Homjakov. Dublin: Dublin Dominican Publications, 1982.
17. *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений / Общ. ред. Н. А. Струве. Т. 5. Париж: YMCA-Press, 1997 [Collected Works].
18. *Самарин Ю. Ф.* Собрание сочинений в пяти томах / Общ. ред. А. Н. Николюкина. Т. 1. СПб.: Росток, 2013. [Collected Works in Five Volumes].
19. *Хомяков А. С.* Собрание сочинений. Т. 8. М.: Университетская типография, 1900. [Collected Works]